

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Августа 15. № 16. 1888 года.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о наружности Иисуса Христа, Спасителя міра.

Каковъ долженъ быть истинный образъ Господа?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ письмѣ Публія Лентула, бывшаго во времена Октавія Цезаря и царя Ирода проконсуломъ въ странахъ іудейскихъ, къ римскимъ сенаторамъ. Письмо это, хотя и признается нѣкоторыми учеными сомнительнымъ, находится во всѣхъ европейскихъ бібліотекахъ. Въ Іенской, напр., бібліотекѣ находится рукописное евангеліе XV вѣка, написанное на пергаменѣ. Въ началѣ этого евангелія помѣщено помянутое письмо (*) Лентула изъ Іерусалима къ римскимъ сенаторамъ, написанное золотыми буквами, а внизу его былъ помѣщенъ и самый портретъ Иисуса Христа, весьма хорошо написанный; Господу въ это время было 25 лѣтъ.

Вотъ самое письмо Лентула въ русскомъ переводѣ:

„Великому и почтенному Сенату Римскому сенаторъ Лентуль, правящій Іудеею, здравія желаю“.

„Въ настоящее время явился человекъ—онъ и теперь живъ—съ высокими качествами, называющій себя Иисусомъ Христомъ. Народъ говоритъ, что Онъ могущественный по своимъ дѣяніямъ пророкъ; ученики именуютъ Его Сыномъ

(*) Въ римскихъ лѣтописяхъ оно послѣ было найдено Евтропиемъ, церковнымъ историкомъ IV вѣка.

Божіимъ. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ и испѣляетъ отъ всякой болѣзни и расслабленія. Этотъ человѣкъ высокаго роста и строенъ. Его фізіономія строга, но весьма выразительна, такъ что тѣ, которые взираютъ на Него, не въ состояніи не любить Его и вмѣстѣ не бояться. Его русые волосы опускаются гладкими до низа ушей и оттуда падаютъ волнистыми локонами, на самыя плечи; они раздѣлены на верху головы, какъ у Назореевъ. Чело гладкое и спокойное, лице совершенно чистое. Щеки Его покрыты легкимъ румянцемъ, съ небольшою темноватостью. Взглядъ имѣетъ пріятный и открытый. Носъ и ротъ весьма правильны. Борода довольно густая, небольшая, одинаковаго цвѣта съ головными волосами, раздѣляется на двѣ части на подбородкѣ. Глаза голубые и чрезвычайно живые. Въ немъ замѣтно что-то грозное, когда Онъ дѣлаетъ выговоръ или упреки, между тѣмъ, какъ кротость и ласковость сопутствуютъ всегда Его наставленіямъ и поученіямъ. Его лице имѣетъ удивительную пріятность, соединенную съ важностью. Его никогда не видали смѣющимся, но видали плачущимъ. Станъ Его стройный, руки длинны и красивы, плечи прекрасны. Рѣчь Его важная и плавная, но говоритъ Онъ вообще мало. Наконецъ, видѣвши Его нельзя не признаться, что это одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ“.

Почти такое же описаніе наружности Спасителя находимъ въ 40-й главѣ 1-й книги Церковной исторіи грека Никифора Каллиста (писателя около 1350 года). Здѣсь читаемъ слѣдующее: „...Его лице было замѣчательно красиво и выразительно. Ростомъ онъ былъ семи пальмъ по крайней мѣрѣ (5 фут., 4 дюйма, 2 линіи). Его волосы походили на русые; они были не слишкомъ густые, но нѣсколько курчавые на оконечности. Его брови были черныя, но не совсемъ круглыя. Глаза походили на черныя, были исполнены живости и имѣли невыразимую прелесть. Носъ имѣлъ длинный. Борода русая и довольно короткая, но волосы на головѣ носилъ длинныя. Онъ никогда не стригся; ничья

рука не касалась Его, кромѣ руки Матери, и то, когда Онъ былъ младенцемъ. Онъ наклонялъ немного голову и оттого казался нѣсколько ниже. Цвѣтъ лица Его былъ почти пшеничный (когда пшеница начинаетъ созрѣвать). Лице было ни кругло, ни продолговато; Онъ много походилъ на Свою Мать, въ особенности по нижней части лица, и былъ румянь. Степенность, благоразуміе, кротость и постоянное милосердіе выражались на Его лицѣ. Въ заключеніе всего—такъ заканчиваетъ Никифоръ Каллистъ описаніе наружности Господа—Онъ походилъ во всемъ на Свою Божественную и Непорочную Мать“.

Наконецъ подобное же описаніе наружности Господа встрѣчаемъ въ статьѣ „Кончина Праведника“ (*). Статья эта представляетъ собою переводъ (съ французскаго языка) (**) письма жены Понтія Пилата Клавдіи Прокулы къ ея подругѣ Фульвіи Герсиліи. Въ этомъ своемъ письмѣ она такъ описываетъ видѣннаго ею однажды Иисуса Христа „во цвѣтъ лѣтъ. Я подняла на Него глаза, и вдругъ опустила ихъ, какъ бы предъ яркимъ сіяніемъ солнца; мнѣ казалось, что чело Его озарено, что вѣнцеобразные лучи окружають Его локоны, ниспадавшіе по плечамъ, какъ у жителей Назарета. Невозможно выразить тебѣ, что я почувствовала при взглядѣ на Него; это было вмѣстѣ могущественнѣйшее влеченіе, ибо неизъяснимая сладость разливалась во всѣхъ чертахъ Его, и тайный ужасъ, потому что глаза Его издавали блескъ, который какъ бы обращалъ меня въ прахъ. Я послѣдовала за Нимъ, сама не зная, куда иду“. Рассказывая далѣе подругѣ о томъ, какъ Господь воскресилъ Семиду, дочь начальника синагоги въ Иерусалимѣ и его жены Соломоніи, Клавдія Прокула говоритъ, что „Спаситель, по совершеніи Чуда, скрылся отъ насъ, какъ эфирная и свѣтлая тѣнь“. Повѣствуя о страданіяхъ Господа, она замѣчаетъ, что Иисусъ Христосъ, не смотря

(*) Волог. Епарх. Вѣдом. 1878 г., № 7.

(**) Изъ сочиненія Евелины Риббекуръ. Перевела съ французск. д—ца Александра Ч....

на то, что вокруг Него бѣсновалась презрѣнная толпа, привлекавшая Его на судилище, стоялъ предъ Пилатомъ „спокойный и неподвижный; въ Его чертахъ не было ни гордости, ни страха; Онъ былъ тихъ, какъ невинность, покоренъ, какъ агнецъ, но Его кротость наполняла меня ужасомъ“.

Таковъ портретъ Господа по дошедшимъ до насъ древнимъ источникамъ! Таковъ былъ онъ и на „убрусѣ“, переданномъ Спасителемъ Эдесскому князю Авгарю! Сему изображенію и должны бы слѣдовать художники—иконописцы при изображеніи Иисуса Христа,—должны стараться, чтобы образъ Христа—этой Божественной натуры—носили на себѣ отпечатокъ мудрости и любви нечеловѣческой. Художникъ, коль скоро онъ провикнуть совершенно симъ предметомъ, будетъ въ состояніи придать вдругъ выраженію лица двойной характеръ важности и смиренія. Тогда только черты лица Иисуса Христа будутъ сообразны съ вышеприведенными описаніями... „но для достиженія высокаго надобно, чтобы чрезъ наружность человѣческую видна была на Его лицѣ, какъ въ отверстыхъ облакахъ, *слава яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины*“ (Іоан. I, 14). Школы византійская и славяно-русская придерживаются еще этихъ описаній образа Христова; но нѣкоторые западные, даже знаменитые художники (напр. Рафаэль, Тиціанъ и др.), къ сожалѣнію, уклоняются отъ нихъ;—о нашихъ же доморощенныхъ иконописцахъ и говорить нечего. Было бы весьма желательно, чтобы оо. настоятели церквей, при устройствѣ новыхъ иконостасовъ, біотовъ, иконъ и при поновленіи старыхъ предварительно прочитывали иконописнымъ мастерамъ вышеприведенныя описанія образа Христова и требовали отъ нихъ, чтобы они, по возможности, придерживались ихъ, слѣдовали бы имъ и не допускали бы никакихъ чуть ли не вошедшихъ въ моду отступленій, несвойственныхъ ни лицу, ни мѣсту! (Подол. Еп. Вѣд.).

Священникъ Ал. Он—въ.

О честномъ и животворящемъ

КРЕСТЪ ГОСПОДНЕМЪ.

Между священными предметами, составляющими предметъ благоговѣйнаго чествованія христіанъ, особенное, высшее мѣсто занимаетъ пречестный крестъ Господень. Считаемо по этому вполне отвѣчающимъ христіанскому любомудрію сообщить нѣкоторыя, основанныя на священномъ писаніи, священномъ преданіи, твореніяхъ святыхъ отцевъ и учителей церкви, а также изслѣдованіяхъ ученыхъ, свѣдѣнія объ этой святынѣ.

Гдѣ поставленъ былъ крестъ Господень?

По древнему, сохранившемуся у восточныхъ христіанъ преданію, Іерусалимъ находится въ серединѣ земли, а Голгоа служитъ центральнымъ ея пунктомъ. На этомъ центральномъ пунктѣ земли и поставленъ былъ крестъ Господень. По другому, также древнему преданію, приводимому многими отцами и учителями церкви — Оригеномъ, Киприаномъ, Тертуліаномъ, Афанасіемъ, Іеронимомъ, Епифаніемъ, Василиемъ Великимъ — крестъ Господень поставленъ былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ праотецъ нашъ Адамъ. Вотъ, напр., что пишетъ Василій Великій. „Въ церкви, говоритъ онъ, сохраняется преданіе, которое говоритъ, что Іудея была жилищемъ Адама, что первый человекъ и первый грѣшникъ, будучи изгнанъ изъ рая, поселился въ этой странѣ, чтобы нѣсколько усладить свою скорбь о потерѣ благъ рая. Здѣсь потомъ положены были смертные останки этого перваго человека, послѣ того какъ исполнилось надъ нимъ слово Господне: „смертію умреша“. Его голова погребена была въ томъ мѣстѣ, которое называется Сганіон или Голгоа, чтобы такимъ образомъ было постоянное и живое напоминаніе о наказаніи Божию. Ною извѣстно было это мѣсто погребенія праотца человеческого рода, и отъ него это преданіе распространилось повсюду. На этомъ мѣстѣ былъ распятъ Спаситель, дабы пора-

зять смерть, такъ сказать, въ самомъ ея началѣ“ (*). Въ силу этого преданія подь крестомъ Христовымъ и изображается черепъ—глава Адама.

Изъ какого дерева сдѣланъ былъ крестъ Господень?

Ближайшіе свидѣтели страданія и крестной смерти Господа не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, говоря о крестѣ просто какъ о деревѣ (ксилон). Молчаніе объ этомъ учениковъ Христовыхъ и древнихъ отцевъ церкви подало поводъ къ появленію на сей предметъ разнаго рода догадокъ и предположеній, выдававшихся за болѣе или менѣе достовѣрныя. Такъ одни думали, что въ составъ креста Господня входили четыре дерева: кедровое, кипарисовое, пальмовое и масличное. Другіе говорили, что крестъ Господень сдѣланъ былъ изъ трехъ деревьевъ: кедра, пегга и кипариса. Нѣкоторые полагали, что крестъ Христовъ сдѣланъ былъ изъ финика и маслины, ваія которыхъ употреблены были при торжественномъ входѣ Господнемъ во Иерусалимъ. Иные говорятъ, что крестъ Христовъ сдѣланъ былъ изъ одного дерева, такъ какъ и древнее преданіе указываетъ на одинъ корень крестнаго дерева, хранимый и доселѣ въ монастырѣ св. креста близъ Иерусалима. Иные, наконецъ, увѣряютъ, что крестное древо въ себѣ одномъ совмѣщало три рода деревъ: кипарисовое, пеговое и кедровое и утверждаютъ, что это древо райскаго происхожденія. Именно говорятъ, что когда Адамъ заболѣлъ и приближался къ смерти, то послалъ сына своего Сиеа попросить у ангела, охранявшаго входъ въ рай, врачевства отъ своей болѣзни. Ангелъ по повелѣнію Божію далъ ему три зернышка отъ запрещеннаго дерева. Съ ними Сиеъ и пришелъ къ жилищу Адама, который передъ тѣмъ умеръ и погребенъ. Не теряя надежды на воскресеніе Адама, Сиеъ посадилъ данныя ему три зерна на могилѣ Адама. Изъ этихъ зеренъ потомъ выросли три дерева: кипарисовое, пеговое и кедровое, сросшіяся потомъ въ одно дерево. Дерево

(*) Жизнь Иисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ сказаніямъ Скворцова, Кіевъ. 1876 г., стр. 303; Христ. Чтеніе за 1869 г., № 3, стр. 418.

это вѣрялось Богомъ храненію и попеченію патріарховъ. Такъ, напр., Лотъ долженъ былъ поливать его іорданскою водою; но нечистые духи, догадавшись о назначеніи этого дерева, препятствовали Лоту въ уходѣ за нимъ. Принимая образъ странниковъ, они всякій разъ, когда Лотъ шелъ съ водою поливать дерево, просили у него цать, и каждый разъ выпивали всю воду. Авраамъ, узнавши хитрость злыхъ духовъ, принялъ на себя уходъ за райскимъ деревомъ. При построеніи храма Соломонова это древо было срублено и должно было пойти какъ матеріаль при означенной постройкѣ. Однако употреблено не было и лежало вмѣстѣ съ другими неупотребленными на постройку храма матеріалами. Царица Савская, прибывшая въ Іерусалимъ посѣтить Соломона, увидѣвъ это дерево, предсказала, что на немъ на погибель Іерусалиму и еврейскому народу имѣеть быть распятъ самъ Богъ. Тогда Соломонъ приказалъ глубоко закопать это дерево въ землю. Впослѣдствіи на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыто было райское древо, устроена была Силоамская купель и это дерево всплыло на поверхность воды и плавало тамъ до времени страданій Господа. Тогда его взяли и изъ него сдѣлали крестъ Господень. Итакъ на какомъ же деревѣ распятъ былъ Господь нашъ?

Въ рѣшеніи этого вопроса нужно поступать не на основаніи какихъ либо догадокъ, а на основаніи историческихъ соображеній. А эти соображенія говорятъ, что крестъ Господень не могъ быть сдѣланъ изъ какого либо изъ означенныхъ выше деревъ. Крестная казнь у римлянъ была самою позорною казнію и дерево, служившее орудіемъ этой казни, употреблялось изъ такъ называемыхъ несчастныхъ и проклятыхъ деревъ, а таковыми были разныя деревья, дикія, бесплодныя и колючія. Лучшія и благороднѣйшія деревья, напр. кедръ, певгъ, пальма, тополь, виноградное дерево и т. д. не могли быть употребляемы на кресты преступниковъ. Лучшія деревья считались у азычниковъ священными, были посвящены богамъ, употреблялись для изображенія кумировъ, встрѣчи и украше-

нія побѣдителей. Такъ напр. дубъ посвященъ былъ Юпитеру, лавръ—Аполлону, олива—Минервѣ, миртъ—Венерѣ, тополь—Геркулесу, певгъ—Цибелѣ и т. д. Персиковое, кедровое и виноградное дерево употреблялись на дѣланіе боготворимыхъ язычниками кумировъ. Пальмовымъ деревомъ украшались и встрѣчались полководцы, съ триумфомъ возвращавшіеся послѣ побѣды въ отечество, при чемъ и самая одежда на нихъ украшалась вытканными на ней пальмами и называлась *palmata*. Употребленіе такихъ, по мнѣнію язычниковъ священныхъ, деревьевъ на крестъ для злодѣя, считалось оскорбленіемъ боговъ, кощунствомъ надъ религіею. Отступить отъ своего обыкновенія при выборѣ древа для креста Господня язычники не имѣли никакого основанія, ибо Господь былъ осужденъ какъ возмутитель общественнаго порядка, какъ злодѣй (Іоан. 18, 30; 19, 18). Отступленіе это было бы столь важно и сопровождалось бы такимъ волненіемъ какъ среди язычниковъ, такъ и среди іудеевъ, что евангелисты не преминули бы упомянуть объ этомъ, какъ не преминули они упомянуть, что Господь былъ погребенъ въ новомъ гробѣ, между тѣмъ какъ по обычаю римскимъ тѣла распятыхъ или сгнивали на крестахъ или бросались на сѣденіе хищнымъ животнымъ и птицамъ. Но допустимъ, что древо креста Господня, какъ древо, послужившее спасенію человѣческаго рода, страдавшій на которомъ Господь отверзъ намъ райскія двери, было древо лучшее, даже райское; но таковымъ уже никоимъ образомъ не могло быть дерево, изъ котораго сдѣланы были кресты двухъ распятыхъ съ Господомъ разбойниковъ. Отступленія для сихъ послѣднихъ отъ обыкновенія римлянъ распинать преступниковъ на „несчастномъ и проклятомъ дрѣвѣ“ не могло быть сдѣлано ни подъ какимъ видомъ. Но въ такомъ случаѣ легко было бы отличить крестъ Господень отъ крестовъ двухъ распятыхъ съ Нимъ разбойниковъ. Между тѣмъ по обрѣненіи креста Господня царицею Еленою не могли отличить его отъ крестовъ разбойниковъ (дощечка, на которой находилось на-

писаніе вины Господа, была оторвана отъ креста Господня и лежала особо (*), до тѣхъ поръ, пока силою креста Христова не совершилось чудо—не воскресъ положенный на него мертвецъ. Очевидно, что всѣ три креста сдѣланы были изъ одного дерева. Но изъ какого? Изъ лучшаго? Но этого допустить на основаніи вышесказаннаго никоимъ образомъ нельзя. Остается допустить, что всѣ три креста сдѣланы были изъ дерева, принадлежавшаго къ разряду деревъ несчастныхъ и проклятыхъ, изъ которыхъ согласно закону (**), и обычаю римлянъ готовлялись висѣлицы и кресты государственныхъ преступниковъ и разбойниковъ. Это же утверждаетъ, основываясь на всеобщемъ, дошедшемъ до него преданіи и Григорій Нисскій (IV в): „обращая вниманіе, говоритъ сей отецъ, на многіе изъ предметовъ церковныхъ, хотя презрѣннымъ видишь въ нихъ то, что подлежитъ взору, между тѣмъ велико то, что они производятъ. И древо креста Господня всѣмъ чловѣкамъ спасительно, несмотря на то, что есть часть, какъ я слышу, древа презрѣннаго и многихъ безчестнѣйшаго“ (***)). На основаніи вышеизложеннаго представляется несомнѣннымъ, что крестъ Господень сдѣланъ былъ изъ какого либо презрѣннаго, т. е., какого либо безплоднаго и колючаго дерева, каковыя деревья и были *arbores infelices*, посвященныя подземнымъ богамъ.— Но какимъ же образомъ церковныя пѣснописцы изображаютъ крестъ Господень составленнымъ изъ кедра, певга и кипариса? Объясняется это во-первыхъ неправильнымъ пониманіемъ словъ пророка Исаи: *и слава Ливанова къ тебѣ придетъ кипарисомъ, пегмомъ и кедромъ вкупъ прославити мѣсто святое* (60, 13), гдѣ говорится не о деревьяхъ, вошедшихъ въ составъ креста Господня, а вмѣстѣ съ дальнѣйшими (по 17-й включительно) стихами этой главы подъ устройствомъ или

(*) Церковная исторія Созомена. Спб., 1851 г. стр. 79.

(**) *Lex horrendi criminis erat... infelici arbori recte suspendito..* Liv. Hist. pop. rom. lib. I. cap. 26.

(***) Душеполезн. чтеніе, 1869 г. Октябрь, стр. 198.

благоукрашеніемъ язычниками Іерусалима разумѣтся искренность ихъ обращенія и дѣятельное служеніе Богу. Вообще же въ 60 главѣ прор. Ісаіи говорится о духовной славѣ новаго Іерусалима, т. е., общества вѣрующихъ во Христа послѣ Его пришествія на землю (*). Далѣе это представленіе церковными пѣснописцами креста Господня составленнымъ изъ кипариса, кедра и пегга—объясняется всеобщимъ обычаемъ со времени признанія христіанской вѣры господствующею дѣлать кресты изъ этихъ именно благородныхъ деревьевъ. Наконецъ, церковные пѣснописцы могли предстарлять крестъ Господень составленнымъ изъ означенныхъ деревьевъ для символическаго изображенія тройкой силы креста Господня. Ибо какъ благовоніе отъ кедра прогоняетъ змѣй, не могущихъ выносить его, такъ и древо крестное силою Распятаго на немъ прогоняетъ демоновъ. Кипарисъ отличается необыкновенною крѣпостію и, волнуемый вѣтромъ, не теряетъ своихъ вѣтвей и листьевъ: такъ крестъ Господень укрѣпляетъ насъ среди бурь и несчастій житейскихъ. Пеггъ врачуетъ отъ внутреннихъ тѣлесныхъ болѣзней: крестъ Христовъ силою Распятаго на немъ врачуетъ насъ отъ болѣзней душевныхъ.

Какого вида или формы былъ крестъ Господень?

Кресты, на которыхъ распинали преступниковъ, были тройкаго рода. Первый—сгук *commissa*—состоялъ изъ продольной балки, на которую сверху наложена была поперечная, такъ что крестъ имѣлъ видъ греческой и латинской буквы Т. Второй видъ креста—сгук *immissa*—состоялъ изъ продольной балки, въ которую или по срединѣ ея или выше середины вставлялась короткая поперечная. Третій видъ креста—сгук *decussata*—состоялъ изъ двухъ наискось одна къ другой положенныхъ перекладинъ. Такой крестъ называется Андреевскимъ, потому что на немъ, по преданію, распятъ былъ св. Андрей Первозванный? Итакъ на какомъ же крестѣ страдалъ и

(*) Обзорѣніе пророческихъ книгъ Ветхаго Заветѣ—Хергозерскаго. Спб. 1873 г. стр. 78.

умеръ Господь? Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній думать, что Господь былъ распятъ на косомъ или Андреевскомъ, слѣдовательно Господь умеръ на крестѣ перваго или втораго рода. Но на какомъ именно? Одни утверждаютъ, что Господь умеръ на крестѣ перваго, другіе—втораго рода. Первые, кромѣ обычая римлянъ распинать преступниковъ на крестѣ, имѣвшемъ видъ буквы Т, основываются на словахъ св. Варнавы, Тертуліана, Блаж. Іеронима и Исидора, которые сравниваютъ крестъ Христовъ съ буквою Т. Такъ напр. св. Варнава говорить: „въ одной буквѣ Т ты имѣешь крестъ“; и Тертуліанъ: „греческая буква Тау, а наша латинская Т есть образъ креста“ (*). Намъ кажется, что означенные христіанскіе писатели, сравнивая крестъ Христовъ съ буквою Т, не имѣли въ виду показать этимъ точнаго сходства креста Господня съ этою буквою. Они имѣли въ виду только сказать, что крестъ Христовъ походить на букву Т, чего отрицать конечно никто не станетъ, а не то, что буква Т совершенно точно изображаетъ собою крестъ Христовъ. Ибо если бы означенные христіанскіе писатели имѣли въ виду вполнѣ точное подобіе буквы Т кресту Господню, то едвали бы ктонибудь изъ нихъ отступилъ отъ разъ принятаго по его мнѣнію точнаго сравненія. Между тѣмъ Тертуліанъ, сказавши въ одномъ изъ своихъ сочиненій (**): „греческая буква Тау, а наша Т есть образъ креста“, въ другомъ (***) сравниваетъ крестъ съ летящей птицей и человѣкомъ, простирающимъ руки къ небу во время молитвы, чѣмъ ясно указываетъ на вторую форму креста. Птицы говоритъ онъ, съ наступленіемъ утра направляютъ полетъ свой къ небу: вмѣсто рукъ простираютъ они свои крылья въ видѣ креста“.. Намъ представляется вполнѣ достовѣрнымъ мнѣніе тѣхъ, которые признаютъ вторую форму креста—*сгих immissa*. Во первыхъ эта форма креста была въ

(*). Христ. Чтен. 1868 г., Ноябрь, стр. 741.

(**) Противъ Маркіона, кн. III, гл. 22.

(***) О молитвѣ Господней, гл. 23.

большемъ употребленіи, чѣмъ первая. Во вторыхъ, нѣкоторые христіанскіе писатели сравниваютъ крестъ Христовъ съ летящей птицей, съ плавающимъ человѣкомъ, съ Моисеемъ, распростершимъ руки на молитву (Геронимъ, Тертуліанъ, Іустинъ, Минуцій Феликсъ), а всѣ эти сравненія говорятъ въ пользу второй формы креста. Далѣе, до насъ дошли и такія выраженія, которыя ясно говорятъ о *четырехъ концахъ* креста Господня. Такія выраженія встрѣчаются у св. Иринея, Седулія и св. Іоанна Дамаскина. Яснѣе же и опредѣленнѣе всѣхъ высказывается объ этомъ св. Іоаннъ Дамаскинъ. Онъ пишетъ: „была широта, въ которую простерты были руки (Господа), длина, поднимающаяся отъ земли, на которой пригвождено было тѣло, высота, выдававшаяся вверхъ надъ поперечною балкою“ (*). Въ этихъ словахъ совершенно ясно упоминается кромѣ продольной и поперечной балокъ еще и о верхней, небольшой балкѣ. Самымъ лучшимъ указаніемъ на форму креста Господня было бы, конечно описаніе креста Господня, обрѣтеннаго царицею Еленою, но этого описанія мы не имѣемъ; а такъ какъ крестъ Христовъ вмѣстѣ съ проповѣдію о немъ распространился по разнымъ странамъ, то этого описанія и нельзя было сдѣлать. Впрочемъ нѣчто подобное сдѣлалъ церковный историкъ Евсевій. Сказавъ о явленіи Константину Великому на солнцѣ крестнаго знаменія изъ свѣта съ надписью „симъ побѣждай“ и явленіи ему въ слѣдующую ночь Христа Бога съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ, повелѣвавшаго по подобію его устроить военное знамя и употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ, Евсевій говоритъ: „едва только озарилъ дневной свѣтъ, Константинъ разсказалъ приближеннымъ свою тайну и потомъ, призвавъ знатоковъ, умѣвшихъ обращаться съ золотомъ и драгоценными камнями, и описавъ имъ образъ знаменія, приказалъ *по подобію* его сдѣлать такое же изъ золота и драгоценныхъ камней. Это знамя нѣ-

(*) Христ. Чтен. 1868 г., № 11, стр. 743.

когда случалось и намъ видѣть *своими глазами*. Оно имѣло слѣдующій видъ: на длинномъ, покрытомъ золотомъ, копѣѣ былъ вверху поперечникъ, образовавшій съ копьемъ образъ креста. *На самой вершинѣ копья* неподвижно лежалъ вѣнокъ изъ драгоценныхъ камней и золота, а на вѣнѣѣ знакъ спасительнаго наименованія двѣ первыя буквы котораго показывали Спасительное имя Христа (*). Слова „на самой вершинѣ копья“... показываютъ, что поперечникъ съ копьемъ не составлялъ подобіе буквы Т, ибо тогда на самой вершинѣ копья былъ бы поперечникъ, а показываютъ, что *самая вершина копья* выдавалась изъ поперечника, который, хотя былъ вверху копья, но не на самой вершинѣ его. Вершина копья, слѣдовательно, была выше поперечника, ибо въ противномъ случаѣ нельзя было бы сказать: „на самой вершинѣ копья неподвижно лежалъ вѣнокъ“, такъ какъ на самой вершинѣ его лежалъ бы поперечникъ, а нужно было бы сказать: на поперечникѣ неподвижно лежалъ вѣнокъ. Если же сдѣланное по приказанію Константина Великаго съ его словъ военное знамя представляло точное подобіе видѣннаго имъ знаменія креста на небѣ, а послѣднее могло быть только лишь точнымъ изображеніемъ дѣйствительнаго креста Господня, то ясное дѣло, что крестъ Христовъ имѣлъ видъ креста, въ которомъ поперечная балка вставлена была въ продольную такъ, что верхняя часть продольной балки выдавалась надъ поперечною. Правда, иногда встрѣчается на древнѣйшихъ иносказательныхъ изображеніяхъ креста—*сх commissa* и притомъ на памятникахъ до IV вѣка, но обыкновенная и притомъ самая древняя изъ найденныхъ церковными археологами формъ креста есть четырехугольная. Наконецъ въ пользу этой формы креста Христова говоритъ и надпись, бывшая на немъ. „Что кажется рѣшающимъ въ пользу той формы креста, говоритъ Фарраръ, которая въ искусствѣ по преданію сохранена почти въ теченіи 1500 лѣтъ,

(*) Дни Богослуженія—Дебольскаго, т. 1, Слб. 1885 г., стр. 85.

это выраженіе Матѣ. 27, 37, что надпись была прибита верху главы Его“ (*).

Но какъ поперечная балка вставлена была въ продольную—по срединѣ послѣдней или выше? Всѣ имѣющіяся данныя заставляютъ думать послѣднее. По обычаю, существовавшему у древнихъ народовъ, продольная балка дѣлалась длиннѣе поперечной и послѣдняя вставлялась въ первую выше середины ея такъ, чтобы собаки и дикіе звѣри не могли терзать тѣль, повѣшенныхъ на крестѣ, хотя бывали и отступленія. Древніе церковные писатели положительно утверждаютъ, что Христось умеръ на *высокомъ* крестѣ, чрезъ что и исполнились, какъ говорить Златоустъ, слова Спасителя: *егда Азъ вознесенъ буду на крестъ, вся привлеку къ себѣ* (**). Но высокой крестъ мыслимъ не иначе, какъ при допущеніи того, что продольная балка не только больше поперечной, но и что поперечная была вставлена въ продольную выше середины послѣдней. Слѣдующія соображенія еще больше убѣждаютъ насъ въ этомъ. Извѣстно, что одинъ изъ воиновъ, омочивъ губку въ уксусъ и воткнувши ее на несоповую трость, подалъ Спасителю для питья. А несопъ есть не что иное, какъ полукустарникъ, похожій на душицу или маіоранъ; онъ и теперь еще часто растетъ въ Иерусалимѣ въ дикомъ видѣ и достигаетъ вышины двухъ и рѣдко трехъ футовъ. Такимъ образомъ очевидно, что крестъ Христовъ не могъ быть выше того, чтобы человекъ протянутой рукой, вооруженной тростью въ два или три фута, могъ достать до его вершины. Авторъ трагедіи „Страждущій Христось“, которую несправедливо приписываютъ Григорію Назіанзену, говоритъ, что крестъ Христовъ былъ настолько высокъ, что св. Дѣва Марія могла лобызать Его ноги своими пречистыми устами (***) . Вышеизложенное го-

(*) Жизнь Иисуса Христа Фаррара. Спб. 1885. Перев. Лопухина, стр. 657, примѣч. 1336.

(**) Бесѣда V на I гл. посл. къ Коринѣянамъ.

(***) Per hos tuos sacros pedes, quos osculor materno amore.

ворить какъ о томъ, что крестъ Христовъ возвышался надъ землею приблизительно на два обыкновенныхъ человѣческихъ роста, такъ и о томъ, что поперечная балка вставлена была въ продольную выше середины послѣдней.

Что Господь былъ пригвожденъ ко кресту—несомнѣнно. Это вытекаетъ изъ повѣствованія Іоанна (20, 25 и 27): *и рече имъ (Тوما): аще не вижу на руку его язвы вкоздинныя, и вложу перста моего въ язвы вкоздинныя, и вложу руку мою въ ребра его, не иму вѣры.* Правда, у египтянъ привязывали только ко кресту преступниковъ, осужденныхъ на голодную смерть, но у римлянъ такого обыкновенія не было. Поэтому народное представленіе, будто разбойники, распятыя вмѣстѣ съ Господомъ, были просто привязаны къ своимъ крестамъ, несправедливо. Блаженный Августинъ положительно говоритъ, что разбойники были пригвождены (*). И св. Аѳанасій пишетъ: „что говоришь ты, разбойникъ? Или не знаешь, что ты терпишь? Развѣ забылъ о гвоздяхъ“? Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно и то, что тѣла распятыхъ были обыкновенно прикрѣпляемы ко кресту также и веревками, чтобы помочь гвоздямъ поддерживать ихъ въ неподвижномъ положеніи и помѣшать разрыву въ рукахъ. Часто высказывалось мнѣніе, что при распятіи пригвождались ко кресту только однѣ руки, а ноги просто привязывались веревками. Но относительно Господа этого сказать нельзя: какъ руки, такъ и ноги Его были пригвождены ко кресту. Это обстоятельство было предсказано еще Давидомъ: *яко обыдоша мя пси мнози, сонмъ лукавыхъ одержаша мя, ископаша руцѣ мои и нозѣ мои* (Псал. 21, 17). Исполненіе этого пророчества въ новомъ завѣтѣ подтвердилъ Самъ Господь, который, явившись ученикамъ своимъ по воскресеніи, сказалъ: *видите руцѣ мои и нозѣ мои, яко Самъ Азъ есмь* (Лук. 34, 39). Тоже утверждаетъ и св. Иларій, который въ толкованіи на 143 псаломъ говоритъ, что руки и

(*) *Clavis infixi diu cruciabantur.* Христ. Чт. 1868, № 11, с. 756.

ноги Господа были пригвождены.—Но сколькими гвоздями были пригвождены ноги Господа? Почти всѣ древніе отцы церкви говорятъ о четырехъ гвоздяхъ: о двухъ для рукъ и двухъ для ногъ. Такъ св. Кипріанъ (+258), самъ видавшій факты распятій, говоритъ, что св. ноги были прободены гвоздями (во множественномъ числѣ) (*). И Григорій Турскій пишетъ совершенно ясно, что двумя гвоздями были пригвождены руки и двумя ноги (**). А такъ какъ древніе церковные писатели, когда ведутъ рѣчь о числѣ гвоздей, упоминаютъ о *четырехъ*, то мы и должны признать, что ноги Спасителя положены были на крестѣ одна подлѣ другой и въ такомъ положеніи были прикрѣплены гвоздями. Эти изреченія древнихъ подтверждаются и дошедшими до насъ древними изображеніями распятія, на которыхъ ноги Распятаго Спасителя представляются положенными одна подлѣ другой.

Такъ какъ тѣла распятыхъ должны были оставаться на крестѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не растерзаютъ собаки и хищныя птицы, то вслѣдствіе разложенія паденіе ихъ было бы неизбежно, если бы своевременно не были приняты другія средства для ихъ укрѣпленія на крестѣ кромѣ пригвожденія. Такими средствами были веревки, подножныя скамейки и сидѣнья. Чаще же всего для укрѣпленія тѣла на крестѣ употреблялось сидѣнье, помѣщавшееся на срединѣ креста. На это сидѣнье могли опираться или садиться распятые. Это сидѣнье имѣло форму выдававшегося впередъ рога. Существованіе его подтверждается самыми ясными свидѣтельствами отцевъ и писателей древности и, между прочимъ, свидѣтельствомъ св. Іустина мученика и св. Иринея. Тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, что какъ на

(*) *Clavis sacros pedes penetrantibus.* Христ. Чт. № 11, стр. 757.

(*) *Clavorum dominicorum quod quatuor fuerint haec est ratio: duo sunt affixi in palmis et duo in plantis.* Тамъ же.

крестъ Спасителя, такъ и на крестахъ распятыхъ съ Нимъ двухъ разбойниковъ не было ни веревокъ, ни сидѣньевъ, ни подножій. Всѣ эти предметы были не нужны для той цѣли, для которой они употреблялись, ибо эта цѣль не имѣлась въ виду. Какъ Господь, такъ и распятыя съ Нимъ два разбойника, въ виду имѣвшаго быть за пятницу, когда они были распяты, великаго дня субботы (праздника Пасхи) не могли быть на крестѣ далѣе вечера пятницы, когда имѣло быть вкушеніе пасхальнаго агнца и, слѣдовательно, начинался самый праздникъ Пасхи. Да и законъ Моисеевъ предписывалъ Иудеямъ не оставлять тѣлъ повѣшенныхъ на деревѣ на ночь (Второзак. 21, 22—23), а законъ этотъ по свидѣтельству Іосифа Флавія распространялся и на распятыхъ. Несомнѣнно, по этому, что враги Христа еще до распятія Его рѣшили въ тотъ же день просить Пилата пребить распятымъ голени, *да не останутъ на крестѣ тѣлеса въ субботу*, а потому не могли опасаться паденія со креста распятыхъ, которое могло послѣдовать только уже по смерти ихъ отъ разложенія ихъ тѣлъ или отъ продолжительнаго въ нѣсколько дней пребыванія распятыхъ на крестѣ. А такъ какъ Господь распятъ былъ въ 6-мъ часу дня (по нашему счету въ 12-мъ дня), а вечеромъ того же дня имѣлъ быть во всякомъ случаѣ снятъ со креста, то опасаться паденія Его тѣла со креста не было никакого основанія, слѣдовательно, не было также основанія и для укрѣпленія Его тѣла на крестѣ употреблять веревки, сидѣнье и подножіе, хотя и несомнѣнно, что эти предметы вообще были въ употребленіи у римлянъ при распятіи преступниковъ. А что распятыя при жизни, будучи пригвождены ко кресту за обѣ и даже за одну руку, могли держаться на немъ безъ всякихъ другихъ закрѣпъ, объ этомъ свидѣлствуютъ Бартолинъ (*) и Кальметъ (**).

(Окончаніе въ слѣд. №).

(*) De cruce, cap. I.

(**) Diction. s. v. Clavus.

НЕ УНЫВАЙ (*).

Когда угодно было Богу,
Чтобы родившись бѣднякомъ,
Ты пролагалъ себѣ дорогу
Терпѣниемъ тяжкимъ и трудомъ,
То будь покоренъ, терпѣливъ,
Неутомимъ и молчаливъ,
На помощь свыше уповай
И никогда не унывай.

Когда Творцу благоугодно,
Чтобъ въ потѣ ты вкушалъ свой хлѣбъ,
То не ропщи женоподобно
На Бога всяческихъ судьбъ;
Предъ Нимъ смиренно преклонись,
Святою вѣрой оградись,
И ею духъ свой ободри
Но никогда не унывай.

Когда-жъ, по слову Бога—Слова,
За правду будешь ты гонимъ,
Теки во слѣдъ за нею снова,
Любовью къ ней руководимъ.
Гонителей своихъ прости,
И если можешь ихъ спасти,
Отъ бѣдъ и гибели спасай,
Но никогда не унывай.

Когда родня твоя и други
Тебя покинуть, оттолкнутъ,
Забывъ пріязнь твою, услуги,

(*) Сочиненіе пресвященнаго Иннокентія (Борисова), покойнаго архіепископа херсонскаго, бывшаго въ 1841 году епископомъ вологодскимъ. См. „Прав. Обозр.“ 1888 г. Май—Іюнь, стр. 23, гдѣ сказано, что это стихотвореніе, въ бытность пресв. Иннокентія на харьковской кафедрѣ, положенное на ноты, исполнялось пѣвчими во время парадныхъ архіерейскихъ обѣдовъ.

Тебя забвенью предадутъ,
За вѣроломство ихъ прости,
Неблагодарность отпусти,
За зло добро имъ воздавай
И никогда не унывай.

Когда божественная благодать
Тебя за доблесть наградить,

II Подать тебѣ здоровья сладость,
Богатствомъ, славой одарить,

Смиреньемъ кроткимъ оградясь
И сердцемъ къ Богу обратясь,

Ему въ щедротахъ подражай
И въ дѣлѣ семь не унывай.

Когда обиліемъ и силою
Въ сей жизни будешь обладать,

Клеврета своего помилуй,
Умѣй врагамъ своимъ прѣщать.

Не презри сираго и вдову,
Спѣши на помощь къ нимъ безъ зову,

Ихъ скорби въ радость обращай,
Въ трудѣ для нихъ не унывай.

ТЫСЯЧЕПУДОВЫЙ КОЛОКОЛЬ

Великоустюжскаго Успенскаго собора.

Въ статьѣ, подъ заглавіемъ: „Колокольный звонъ и замѣчательные колокола въ Россіи“, напечатанной въ „Русскомъ Паломникѣ“ за 1886 годъ (№№ 19, 20 и 21), приводится между прочимъ списокъ 49-ти колоколовъ въ Россіи, замѣчательныхъ по вѣсу и находящихся въ дѣйствительномъ употребленіи, не считая въ томъ числѣ извѣстнаго московскаго царь-колокола, какъ бездѣйствующаго и далеко превосходящаго всѣ колокола своею исполинскою громадностію (*). Но

(*) См. Исторію Московскаго царь-колокола, напечатанную въ № 13 Волог., Епарх. Вѣдом. сего года.

въ вышеозначенномъ спискѣ колоколовъ не упомянуть колоколъ великоустюжскаго Успенскаго собора, заключающій въ себѣ вѣсу 1054 пуда и слѣдовательно имѣющій полное право въ упомянутомъ спискѣ занять почетное мѣсто подъ № 15, въ срединѣ между колоколами монастырей юрьево-новгородскаго и курско-знаменскаго, изъ коихъ первый имѣеть вѣсу 1140, а второй—1045 пудовъ (*).

Чтобы пополнить допущенный въ статьѣ Русскаго Паломника пропускъ и чтобы, такъ сказать, юридически утвердить за великоустюжскимъ колоколомъ право на занятіе имъ вышеозначеннаго почетнаго мѣста между колоколами, сообщаемъ оффиціальныя о немъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ подлинной, найденной въ архивѣ великоустюжскаго Успенскаго собора, „Книги о литьѣ соборнаго большаго колокола въ Устюжѣ 1754 году“. Книга эта есть не иное что, какъ приходо-расходная тетрадь, въ которой показаны: приходъ и расходъ денегъ и матеріаловъ, употребленныхъ на заведеніе колокола, при чемъ обозначены: время литья колокола, точный его вѣсъ и общая цѣнность, а также вѣсъ составныхъ частей его (мѣди и олова) и нѣкоторыя другія подробности колоколо-литейнаго дѣла. Приводимъ подлинныя записи изъ упомянутой „книги о литьѣ колокола“:

*

„Въ зборѣ имѣется на строеніе колокола:

„По подписанію Преосвященнаго Варлаама, Епископа Великоустюжскаго и Тотемскаго, приложено собственныхъ Его Преосвященства келейныхъ денегъ 2000 руб.

Отъ Устюжскаго воеводы Александра Ивановича Глѣбова приложено 50 руб.

Отъ духовныхъ властей и отъ священно-и-церковно-служителей и отъ купечества и отъ протчихъ

(*) Кромѣ Устюжскаго колокола, въ спискѣ Русск. Паломника пропущенъ еще главный колоколъ Соловецкаго монастыря, имѣющій вѣсу 1100 пудовъ.

разного званія боголюбцовъ имѣется въ подаваніи по шнуровымъ книгамъ	3094 р. 7 к.
Итого въ зборѣ денгами	5144 р. 7 к.

*

Изъ вышеписанного числа суммы зборныхъ денегъ въ
росходъ употреблено:

Куплено въ Нижномъ городѣ съ заводу госпо-
дина барона Александра Григорьевича Строганова
штыковой мѣди тысяча пудъ, цѣною по шести
рублевъ пудъ, денегъ плачено 4000 руб.

Да къ тѣмъ въ доплату изъ домовоѣ Его Пре-
освященства казны отдано 2000 руб.

За провозъ той мѣди изъ Нижняго до Устюга
въ дачѣ ямщикомъ изъ зборныхъ денегъ 101 руб.

Куплено въ Ярославлѣ проволоки желѣзной
десять пудъ, цѣны дано 37 руб.

Издержано посланнымъ изъ Устюга протопо-
помъ Андреемъ въ Москву для подряду колоколен-
ныхъ мастеровъ и принятія въ Нижномъ мѣди, на
проѣздъ и на харчъ и на всякія нужно-потребныя
расходы 45 р. 64 к.

Куплено въ Устюгѣ разницею прутаго оло-
ва и въ посудѣ 38 пудъ 17 фунт. съ половиной
по цѣнамъ на 299 р. 70 к.

Плачено горожанину Семену Бусикову за при-
сланное отъ него олово жъ прутаго за 42 пуда
12 фунт. и съ провозомъ 348 р. 89 к.

Протопомъ Андреемъ куплено у города
Архангельскаго въ 752 году такогожъ прутаго
олова на церковныя казенныя денги 200 пудъ,
цѣною по 7-ми рублей, и того на 1400 р. —

Куплено къ литью колокола на печь, въ ко-
торой мѣдь топилась и въ яму литейную и на бол-
ванъ кирпича 38,235 кирпичей, цѣной по три рубли

Протоіерей Африканъ Иринеевичъ Быстроумовъ.
(Некрологъ).

18-го Іюля сего 1888 года скончался въ С.П.бургѣ, а 20-го погребенъ протоіерей церкви Воздвиженія честнаго креста Господня (иначе Никольской Труниловской), что на Петербургской сторонѣ, *Африканъ Иринеевичъ Быстроумовъ*. Уроженецъ вологодской епархіи, покойный о. протоіерей обучался съ 1826—1842 г. въ вологодской духовной семинаріи, а потомъ съ 1843—1847 въ С.П.бургской дух. академіи, въ которой окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія. Пробывъ годъ по окончаніи академич. курса учителемъ въ Александровскомъ духовномъ училищѣ, Африканъ Иринеевичъ вышелъ во священника (рукопол. въ 1848 г.) къ церкви Спаса происхожденія честныхъ древъ, что при Лѣсномъ (и тогда Межевомъ) институтѣ съ опредѣленіемъ на должность законоучителя означеннаго института. Въ 1884 году, онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ приписной къ Троицкому собору Никольской Труниловской церкви, при которой и состоялъ до самой кончины. За отличіе-ревностную службу и за честное поведеніе покойный о. протоіерей нѣсколько разъ удостоивался получать благословеніе Св. Синода и затѣмъ высшія награды и отличія, какъ-то: въ 1861 г. онъ Всемилостивѣйше пожалованъ наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ, а въ 1864 г. возведенъ въ санъ протоіерея; въ 1869 г. награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степ.; въ 1871 году тѣмъ же орденомъ 2-й степ.; въ 1875 г. орденомъ св. Владиміра 4-й степ., а въ 1878 г. пожалованъ отъ Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской золотымъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями. Протоіерей Африканъ Иринеевичъ Быстроумовъ скончался 68 лѣтъ отъ роду, отъ паралича; погребенъ въ Александровской лаврѣ, на новомъ кладбищѣ. (Церк. Вѣстн. № 32).

С о д е р ж а н і е:

1) Нѣсколько словъ о наружности Іисуса Христа, Спасителя міра.—2) О честномъ и животворящемъ крестѣ Господнемъ.—3) Не унывай. (Стихотв.).—4) Тысячепудовый колоколъ Великоустюжскаго Успенскаго собора.—5) Протоіерей Африканъ Иринеевичъ Быстроумовъ (некрологъ).

Редакторъ **Н. Суворовъ.**

Дозволено цензурою. Августа 14 дня, 1888 года. Вологда.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.